

DOI: 10.15372/HSS20170410
УДК 94(47) "1897–1914" + 314.18

В.А. ЗВЕРЕВ

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ В АЗИАТСКОЙ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

Новосибирский государственный педагогический университет,
РФ, 630126, г. Новосибирск, ул. Виллойская, 28

В статье раскрываются изменения, происходившие в 1897–1914 гг. в количественных показателях (общих коэффициентах рождаемости, смертности и естественного прироста), а следовательно, – в режиме и типе воспроизводства населения Западной и Восточной Сибири, Степного края и Дальнего Востока. Хронологическая динамика естественного движения населения в этих регионах сравнивается друг с другом и с ситуацией в Европейской России. Делается вывод о том, что в изучаемый период в азиатской части страны, как и в европейском ее центре, господствовал традиционный тип воспроизводства населения при наличии начальных признаков демографического перехода. Показана разнонаправленность динамики воспроизводства населения в Европейской России, с одной стороны, и во всех зауральских регионах – с другой, при наличии существенной специфики Дальнего Востока.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Степной край, Дальний Восток, историческая демография региона, компаративный анализ, воспроизводство населения, смертность, рождаемость, естественный прирост населения.

V.A. ZVEREV

REPRODUCTION OF THE POPULATION IN ASIATIC RUSSIA: HISTORICAL DYNAMICS OF THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY

Novosibirsk State Pedagogical University,
28, Vilyuyskaya str., Novosibirsk, 630126, Russia

The historians and demographers studying the population reproduction in the Russian Empire pay not enough attention to the peculiarities of this process in some remote eastern regions of the country. The paper objective is to consider changes in the late XIX – early XX centuries that took place in Asian Russia – West and East Siberia, the Steppe Region and the Far East. The changes in quantitative indicators imply qualitative alterations in the mode and type of the population reproduction. The author examines the dynamics of the natural movement of the population both diachronically, taking each region separately in its timeline, and synchronically, comparing the Asian region to the European Russia as the demographic center of the country. Quantitative calculations are based on the statistical data provided by the reports of the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire. For the first time in historiography the author calculates annual natality and mortality indices and the population natural increase for 1897–1914. The attained dynamic picture is presented in the summary table and three graphs. The linear trends reflected in graphs demonstrate the variable directivity of the population mortality, natality and natural increase dynamics in the studied regions. The main conclusions drawn based on the dynamic table analysis are the following: 1) The traditional type of the population reproduction dominated in all eastern regions of the country, as well as in its European center, though some signals of the initial phase of demographic modernization appeared; 2) Concerning the population natural movement dynamics, Siberia and the Steppe Region had similar indices, while the situation in the Far East differed significantly from both; 3) Trans-Ural regions as compared to the European Russia showed essential specificity in demographic tendencies. The author presents some further ideas and considerations of pioneering in historical demography and regional studies.

Key words: West Siberia, East Siberia, Steppe Region, Far East, regional historical demography, comparative analysis, population reproduction, death rate, birth rate, population natural increase.

Владимир Александрович Зверев – д-р ист. наук, профессор, Новосибирский государственный педагогический университет, e-mail: sosna232@yandex.ru.

Vladimir A. Zverev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Novosibirsk State Pedagogical University.

В центре внимания исторической демографии находится темпоральная динамика процессов естественного, или физического, воспроизводства населения. Изменения количественных параметров и типа воспроизводства населения, происходившие в конце имперского периода в обширной азиатской части России, в ее отдельных регионах, не могли не заинтересовать ученых. Динамические ряды годовых или поэтапных показателей рождаемости, смертности, естественного прироста населения в свое время составили и проанализировали А.Г. Рашин [1, с. 22, 230–231], Р.И. Сифман [2, с. 62–82], В.М. Кабузан [3, с. 34–37; 4, с. 96–156], В.И. Пронин [5, с. 57–65], Л.Л. Рыбаковский [6, с. 57–69].

Недостатками имеющихся исследований режима воспроизводства населения, существовавшего на востоке страны в конце XIX – начале XX в., можно считать, во-первых, разноразличной в территориальном охвате. А.Г. Рашин и Р.И. Сифман рассматривали территорию от Урала до Тихого океана, именуемую ими Сибирью, но при этом забыли о Степном крае; В.И. Пронин сосредоточился на узко понимаемой Сибири (без Дальнего Востока), Л.Л. Рыбаковский, наоборот, – на Дальнем Востоке, но оба оставили без внимания Якутию. Второй недостаток: при подсчетах использовались разные по происхождению источники статистических данных, что затрудняет сравнение динамических рядов, относящихся к тем или иным регионам, к различным хронологическим этапам.

В постсоветский период никто не пытался создать цельную картину воспроизводства населения на востоке страны, относящуюся к концу имперского периода. Задачи настоящей статьи: 1) представить впервые построенные нами на основе единых источников динамические ряды показателей естественного движения населения в тех регионах Азиатской России, которые в конце XIX – начале XX в. часто обобщенно именовали Сибирью; 2) в ходе компаративного анализа раскрыть общие черты и особенности режима воспроизводства населения в указанных регионах, прояснить исторический тип воспроизводственного процесса.

Азиатская часть России в данном случае разделена на регионы с учетом административного устройства страны, существовавшего в начале изучаемого периода. Западная Сибирь рассматривается в границах Томской и Тобольской губерний, Акмолинской области. Восточная Сибирь охватывает Иркутскую и Енисейскую губернии, Забайкальскую область. Степной край ограничивается Семипалатинской и Акмолинской областями. Последняя учтена дважды – в составе и Степного края, и Западной Сибири, поскольку невозможно провести бесспорную границу между этими двумя регионами. Дальний Восток выделен в административных пределах Приморской, Амурской, Якутской областей и о. Сахалин.

При сравнении динамики воспроизводства населения в зауральских регионах в качестве эталона мы привлекаем Европейскую Россию (в данном случае – без Финляндии и Северного Кавказа), сравнитель-

но хорошо изученную в историко-демографическом плане. В трудах А.Г. Вишневского и его коллег (см., напр.: [7, с. 160–163]), Б.Н. Миронова [8, с. 576–625] и других ученых ситуация в европейской части страны, в том числе характер воспроизводства населения здесь, фактически трактуется как общероссийская ситуация. Однако демография восточных окраин имела свои яркие особенности, и мы это покажем.

Хронологические рамки настоящей статьи охватывают период 1897–1914 гг., относительно которого имеются необходимые для демографических расчетов статистические данные по всем губерниям и областям Российской империи, в том числе располагавшимся к востоку от Урала. Это материалы Всеобщей переписи населения 1897 г., последующих административно-полицейских исчислений, записи в метрических церковных книгах. Текущую статистику собирало и корректировало через губернские и областные статкомитеты центральное гражданское медицинское ведомство, входившее в структуру имперского Министерства внутренних дел. До 1904 г. это Медицинский департамент, затем – Управление главного врачебного инспектора. Это ведомство ежегодно публиковало данные о численности населения, количестве умерших и рожденных во всех губерниях и областях России, в том числе зауральских.

Губернские и областные данные мы сгруппировали по регионам, а затем высчитали для каждого из них общие коэффициенты смертности, рождаемости и естественного прироста – количество демографических событий, приходившихся на каждую тысячу человек населения¹¹. Смертность и рождаемость измерялись 1000-кратным отношением годового числа умерших и рожденных к средней численности населения в соответствующем году, естественный прирост – разностью между рождаемостью и смертностью. Результаты расчетов сведены в помещенную далее таблицу. Господствовавшие в каждом из регионов тенденции динамики воспроизводства населения в виде линейных трендов представлены нами для наглядности далее в трех графиках.

Анализ хронологической динамики воспроизводства населения в регионах Азиатской России начнем с изменения коэффициентов *смертности*.

Данные таблицы и рис. 1 демонстрируют характерную для всех зауральских регионов, как и для цен-

¹¹ Показатели, приведенные далее в таблице, рисунках и в тексте статьи, если они не сопровождаются другими ссылками, подсчитаны по: Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1896–1901 гг. СПб., 1905. С. 74, 80, 104 (3-я паг.); Отчет... за 1902 г. 1904. С. 28–29, 54–55 (3-я паг.); Отчет... за 1903 г. 1905. С. 28–29, 54–55 (3-я паг.); Отчет... за 1904 г. 1906. С. 28–29, 54–55 (3-я паг.); Отчет... за 1905 г. 1907. С. 28–29, 54–55 (3-я паг.); Отчет... за 1906 г. 1908. С. 30–31, 58–59 (3-я паг.); Отчет... за 1907 г.: таблицы. 1909. С. 35, 67; Отчет... за 1908 г.: таблицы. 1910. С. 35, 67; Отчет... за 1909 г. 1911. С. 34–35, 66–67 (3-я паг.); Отчет... за 1910 г. 1912. С. 34–35, 66–67 (3-я паг.); Отчет... за 1911 г. 1913. Ч. 2. С. 66–67, 98–99; Отчет... за 1912 г. Пг., 1914. Ч. 2. С. 66–67, 98–99; Отчет... за 1913 г. 1915. С. 66–67, 98–99 (3-я паг.); Отчет... за 1914 г. 1916. С. 34–35, 66–67 (3-я паг.).

Естественное движение населения центра и восточных регионов страны на рубеже XIX–XX вв. по годам, %

Год	Европейская Россия	Степной край	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	Дальний Восток
Смертность					
1897	30,5	17,9	28,5	32,9	21,2
1898	31,2	15,0	30,5	32,6	19,3
1899	29,2	22,1	32,2	32,6	23,9
1900	29,2	22,7	37,3	33,8	25,3
1901	30,3	17,8	30,1	31,2	24,7
1902	29,9	15,5	32,6	30,1	22,0
1903	28,6	15,6	26,6	31,1	24,3
1904	28,6	21,9	35,2	31,4	20,4
1905	30,5	19,7	30,0	33,0	23,5
1906	28,8	20,6	34,3	28,5	23,8
1907	27,4	20,6	34,1	30,5	24,0
1908	27,2	19,9	34,7	33,7	23,9
1909	28,4	20,0	32,7	32,7	21,1
1910	29,8	24,8	32,3	32,3	22,5
1911	26,0	21,4	28,1	28,1	23,1
1912	25,1	21,1	29,2	29,2	22,2
1913	24,9	21,0*	29,3	29,3	17,4
1914	22,5	21,0*	29,1	29,1	20,2
Рождаемость					
1897	47,4	27,4	50,6	46,3	37,9
1898	46,5	22,1	47,9	44,6	33,9
1899	46,5	31,6	52,0	45,0	36,0
1900	46,7	32,1	54,0	47,4	35,9
1901	47,2	29,2	52,5	47,5	38,7
1902	46,1	27,1	49,6	46,2	38,9
1903	46,5	26,5	51,7	45,1	39,0
1904	43,5	29,4	51,5	42,7	36,0
1905	45,4	25,6	44,9	39,1	42,3
1906	45,6	32,8	53,6	39,9	40,8
1907	43,4	33,1	53,7	45,0	34,2
1908	42,9	33,1	54,4	49,5	40,9
1909	43,2	33,6	57,0	49,4	36,1
1910	43,0	39,1	55,9	48,8	37,7
1911	41,8	36,7	52,5	49,0	38,9
1912	39,2	36,3	51,8	46,5	37,9
1913	36,9	36,5*	51,9	45,8	33,7
1914	36,9	36,5*	52,3	49,2	39,7
Естественный прирост					
1897	16,9	9,5	22,1	13,4	16,7
1898	15,3	7,1	17,4	12,0	14,6
1899	17,3	9,5	19,8	12,4	12,1
1900	17,5	9,4	16,7	13,6	10,6
1901	16,9	11,4	22,4	16,3	14,0
1902	17,3	11,6	17,0	16,1	16,9
1903	17,5	10,9	25,1	14,0	14,8
1904	17,9	7,5	16,3	11,3	15,6
1905	13,0	5,9	14,9	6,1	18,8
1906	16,6	12,2	19,3	11,4	17,0
1907	18,2	12,5	19,6	14,5	10,2
1908	16,2	13,2	19,7	15,8	17,0
1909	14,5	13,6	20,3	16,7	15,0
1910	13,4	14,3	21,9	16,5	15,2
1911	17,0	15,3	20,2	20,9	15,8
1912	16,7	15,2	19,5	17,3	15,7
1913	14,3	15,5*	18,6	16,5	16,3
1914	14,4	15,5*	20,6	20,1	19,5

* В качестве годовых величин показаны коэффициенты, средние за два года (1913–1914).

тра страны, очень высокую смертность населения. Средняя величина коэффициентов смертности была больше всего в Западной Сибири – 32,6 ‰, чуть меньше в Восточной – 31,2 ‰. Оба эти региона имели смертность более высокую, чем Европейская Россия (28,2 ‰). От центрального региона, как и от соседних сибирских, заметно «отставали» Дальний Восток (средний показатель – 22,4 ‰) и особенно Степной

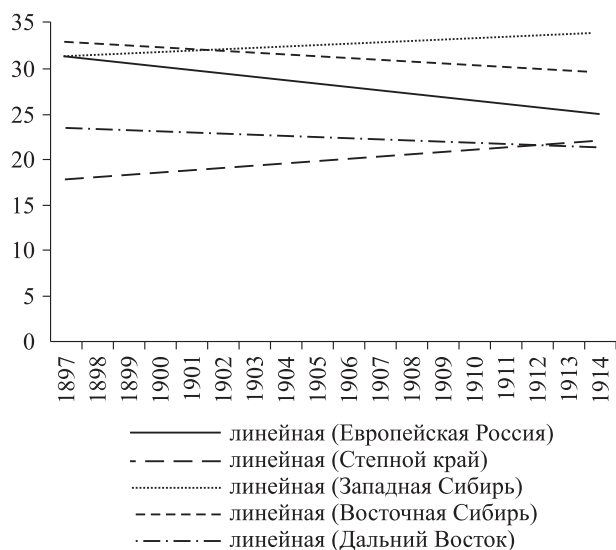


Рис. 1. Направленность динамики смертности населения в центре и восточных регионах страны, ‰

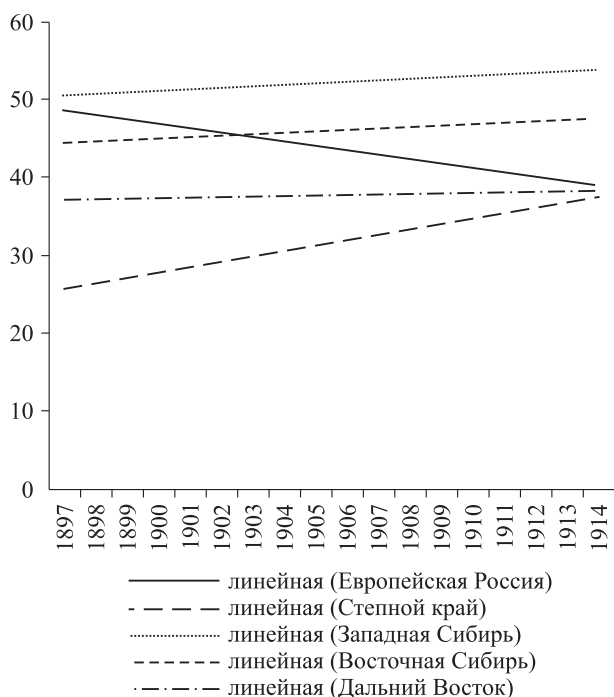


Рис. 2. Направленность динамики рождаемости населения в центре и восточных регионах страны, ‰

край (19,9 ‰). Высокая смертность населения России была яркой чертой уже устаревшего к началу XX в., но продолжавшего еще доминировать традиционного типа воспроизводства населения. В то же время линейные тренды на рис. 1 показывают общую новую черту в динамике летальности жителей Восточной Сибири и Дальнего Востока: снижение показателей в конце изучаемого периода по сравнению с его началом.

Эта черта роднит два азиатских региона с Европейской Россией, где аналогичная тенденция снижения летальности выражалась еще более последовательно и определено. Некоторое снижение смертности, отразившееся и в других исторических источниках и отмеченное в авторитетных научных трудах, стало одним из скромных достижений процесса демографического перехода, наметившегося в России на рубеже XIX–XX вв. Как и в центре страны, на восточных окраинах первые позитивные результаты появились благодаря усилиям государственных органов, общественного самоуправления, отдельных предприимчивых людей по развитию санитарно-гигиенической и общей культуры населения, становлению сети медицинского обслуживания. Характерно, что именно Дальний Восток имел относительно низкий уровень смертности, который к тому же со временем сокращался. Дело в том, что на Дальнем Востоке (за исключением Якутии) была наиболее высока и быстро росла доля городского населения, а ведь именно в городах первые успехи демографической модернизации были наиболее заметными [9, с. 5–11].

Оговоримся, что изучаемая ситуация не допускает идеализации. График на рис. 1 показывает, что в Западной Сибири и Степном крае господствовала тенденция повышения смертности населения. Объясняя этот факт, обратим внимание, что в названных регионах в изучаемый период росла и рождаемость. В условиях, когда общий уровень смертности зависел главным образом от летальности младенцев и детей, действовала закономерность: чем больше детей рождается, тем больше их и умирает.

Важнейшую роль в повышении смертности населения Западной Сибири и Степного края сыграл подъем массового переселенческого движения из Европейской России за Урал, основными центрами притяжения которого были как раз оба названных региона. Пик аграрного переселенческого движения пришелся на 1906–1909 гг., он и определил направление тренда динамики смертности. Известно, что в среде мигрантов и зауральских новоселов была особенно высокая смертность – вследствие низкого уровня их благосостояния и социальной защищенности, большой доли в их среде детей, наиболее уязвимых для болезней. В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке осело намного меньше переселенцев, поэтому повышенная смертность в их среде не повлияла на общую картину воспроизводственных процессов в этих регионах.

В процессе воспроизводства населения ключевую роль играет *рождаемость*. Данные таблицы и график на рис. 2 позволяют раскрыть некоторые закономер-

ности динамики репродукции населения в регионах Азиатской России.

Как и в случае со смертностью, отмечается очень высокий уровень рождаемости и в азиатской, и в европейской частях страны. По своим средним величинам коэффициенты рождаемости выстраиваются в той же последовательности и в тех же соотношениях, что и средние показатели смертности. Наибольшей была рождаемость в Западной и Восточной Сибири, достигавшая соответственно 52,1 и 45,9 ‰ и превышавшая уровень Европейской России (43,8 ‰). Репродукция на Дальнем Востоке и особенно в Степном крае протекала менее интенсивно, ее средние величины составляли 37,7 и 31,6 ‰.

Высокая рождаемость была явлением закономерным в условиях господства традиционных общественных порядков. Она позволяла компенсировать непомерно высокую смертность, отражала отсутствие эффективных способов контрацепции, жизненный фатализм людей и их приверженность церковным установлениям. Рождаемость в своей количественной и содержательной динамике являлась более устойчивой, чем смертность, поскольку меньше зависела от конъюнктурных социально-экономических, политических, социокультурных факторов.

График с линейными трендами (рис. 2) показывает, что Европейская Россия, в отличие от азиатских регионов страны, испытывала в конце XIX – начале XX в. заметный спад рождаемости. На Дальнем Востоке репродукция имела стабильные показатели, но в трех остальных регионах Азиатской России они со временем повышались. Данные в таблице позволяют заключить, что это повышение обуславливалось всплеском рождаемости в 1906–1909 гг. В некоторой степени данный всплеск носил компенсаторный характер. После Русско-японской войны и революционных потрясений 1905 – начала 1906 г., когда сибиряки заключали меньше браков, вынужденно откладывали зачатие и рождение детей, имел место демографический бум. Наибольшие масштабы он приобрел в Степном крае и Западной Сибири, которые привлекали в годы Столыпинской аграрной реформы больше всего переселенцев из Европейской России. Среди новоселов было особенно много молодых людей, охотно вступающих в брачные и репродуктивные отношения.

Что касается динамики *естественного прироста* населения, то таблица и график на рис. 3 позволяют выяснить, как соотносились между собой и изменялись со временем показатели, интегрировавшие масштабы смертности и рождаемости населения в разных регионах Азиатской России.

Самыми высокими были показатели естественного прироста в Западной Сибири – средний коэффициент достигал 19,5 ‰. Второе место занимал Дальний Восток (15,3 ‰), затем шли Восточная Сибирь и Степной край с показателями 14,7 и 11,7 ‰. Поскольку в Западной Сибири жило около двух третей населения всей Азиатской России, очевидно,

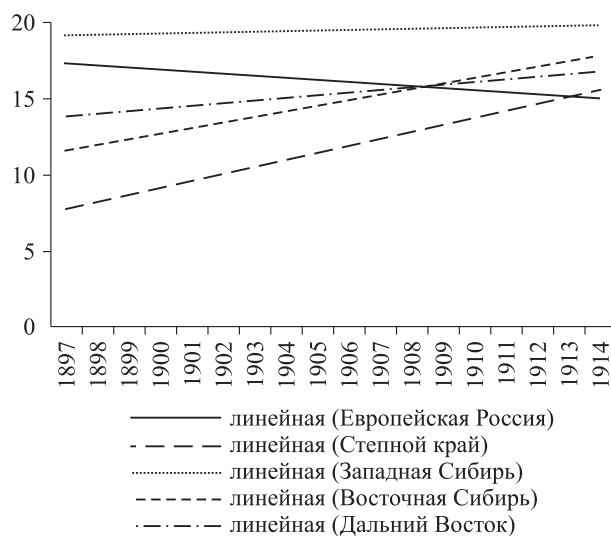


Рис. 3. Направленность динамики естественного прироста населения в центре и восточных регионах страны, ‰

что западносибирский показатель определял общий уровень прироста на востоке страны, равный 19,2 ‰. В Европейской России прирост был меньшим – 16,2 ‰, как и в целом по Российской империи (без Финляндии) – 16,8 ‰ [2, с. 80].

Во всех регионах Азиатской России прирост населения неуклонно увеличивался, быстрее всего – в Степном крае. К концу изучаемого периода линейный тренд повсеместно превысил уровень 15 ‰, а в Западной Сибири достиг даже 20 ‰. Такие показатели вполне можно считать «взрывными». Историки считают, что «демографический взрыв» (резкое повышение естественного прироста населения) намечался и в Европейской России, но не случился там из-за политических потрясений начала XX в. Как показывает рис. 3, в центре страны происходило даже некоторое снижение уровня естественного прироста.

В заключение отметим следующее. На рубеже XIX и XX вв. во всех «сибирских» регионах Азиатской России, как и в европейской части страны, существовали свойственные традиционному типу воспроизводства населения высокий уровень рождаемости и смертности, соответствующий баланс естественного прироста. Однако средние показатели и векторы демографической динамики в разных регионах отличались. Это объясняется спецификой социальной, этнической, сословной и демографической структуры населения, разными масштабами миграционных влияний. Наибольшее сходство обнаруживается у Западной Сибири и Степного края, принимавших больше всего переселенцев из центра страны. К ним примыкает Восточная Сибирь, имевшая все же значительное своеобразие. Особняком стоял Дальний Восток, для населения которого была характерна сильная половозрастная и брачная диспропорция, и этот регион играл слабую роль в аграрных миграциях изучаемого нами времени.

В ходе исследования обнаружилось отличие режима воспроизводства населения в азиатских регионах страны и Европейской России. Наиболее яркое из них заключалось в разной направленности динамики рождаемости и естественного прироста. Привлеченные нами материалы позволили выявить в Азиатской России признаки, пока еще слабые, начала перехода к модернизированному типу воспроизводства населения. Речь идет о сокращении смертности в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, о быстром повышении уровня естественного прироста во всех регионах. Признаки начальной фазы перехода проявлялись бы еще больше, если бы их не затушевывали, особенно на этапе 1906–1909 гг., экстремально высокие показатели рождаемости и смертности среди переселенцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913): стат. очерки. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.
2. Сифман Р.И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Статистика, 1977. С. 62–82.
3. Кабузан В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX в. // История СССР. 1979. № 3. С. 22–38.
4. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX в. (1640–1917): историко-демографический очерк. М.: Наука, 1985. 260 с.
5. Пронин В.И. Население Сибири за 50 лет (1863–1913 гг.) // История СССР. 1981. № 4. С. 50–69.
6. Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990. 168 с.
7. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Нов. изд-во, 2006. 608 с.
8. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1. 896 с.
9. Зверев В.А. Динамика воспроизводства городского населения в регионах Азиатской России начала XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23, № 1. С. 5–11.

REFERENCES

1. Rashin A.G. Population of Russia for 100 years (1811–1913): statistical essays. Moscow: Gosstatizdat, 1956, 352 p. (In Russ.)
2. Sifman R.I. Population dynamics in Russia in 1897–1914. *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR*. Moscow, 1977, pp. 62–82. (In Russ.)
3. Kabuzan V.M. Occupancy of Siberia and the Far East in the late XVIII – early XX centuries. *Istoriya SSSR*. 1979, no 3, pp. 22–38. (In Russ.)
4. Kabuzan V.M. The Far Eastern region in the XVII – early XX centuries (1640–1917): a historic-demographic essay. Moscow: Nauka, 1985, 260 p. (In Russ.)
5. Pronin V.I. Population of Siberia for 50 years (1863–1913). *Istoriya SSSR*. 1981, no 4, pp. 50–69. (In Russ.)
6. Rybakovskii L.L. Population of the Far East over 150 years. Moscow: Nauka, 1990, 168 p. (In Russ.)
7. Demographic modernization of Russia, 1900–2000. Ed. by A.G. Vishnevskii. Moscow: Novoe izd-vo, 2006, 608 p. (In Russ.)
8. Mironov B.N. The Russian Empire: from the tradition to modern. Vol. 1. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2014, 536 p. (In Russ.)
9. Zverev V.A. Dynamics of the urban population reproduction in Asian Russia regions in the early XX century. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2016, vol. 23, no 1, pp. 5–11. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 28.09.2017